

ДУХОВНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ НЕГРОВ

Выдающийся историк культуры, писатель, музыкант, критик негр Ле Рой Джонс в своем исследовании, посвященном блюзу [], первый, насколько нам известно, подчеркнул духовную дезориентацию африканцев, прибывавших в Америку, как одну из главных причин их великих страданий в Новом Свете. О выпавших на их долю физических муках и душевных пытках, которых не знал ни один другой народ западной цивилизации в новое время, сказано и написано много. Вероятно, негритянский народ запомнит их навсегда. Но огромным дополнительным источником его терзаний было то, что **бывший африканец оказался в совершенно непроницаемой для него духовной атмосфере, среди абсолютно чуждых ему в психологическом отношении людей, в обществе, нравственные и социальные основы которого оставались для него глубоко зашифрованными.**

Действительно, трудно представить себе более антагонистические мировоззренческие системы, чем рационализм ренессансного гуманизма, господствовавший в Европе, и фаталистическое начало, определявшее жизнь африканца. Человек в Африке мыслился лишь как существо, находящееся в безграничном подчинении высшим силам; он не только не был центром вселенной, но даже и не стал «мерой вещей». Каждое его действие имело для него смысл только в религиозно-магическом плане, совпадающем с идеей государственности (то есть трибальности). Другой логики жизненного поведения африканец не знал. Рациональное начало в его мышлении, поступках, художественных проявлениях было оттеснено на задний план, а моменты фантазии, интуиции, инстинкта господствовали безоговорочно. И народу с подобным мирозерцанием было суждено столкнуться с американским обществом, где традиции ренессансного рационализма были доведены до предела, где протестантство (в его пуританской разновидности) начисто уничтожило все следы красочного и фантазийного начала в религии, а последовательный до конца капиталистический уклад жизни привел к торжеству меркантильного строя мысли над художественным. Со всем этим пришлось не просто столкнуться, а оказаться в полном и неограниченном ему подчинении.

Быть может, если бы невольники из Африки сохраняли и в Новом Свете контакты друг с другом, их духовная растерянность не была бы столь катастрофической. Но рабовладельцы преднамеренно соединяли на одной плантации, вообще на одном участке любой трудовой деятельности, представителей разных племен, говоривших на разных языках. Каждый человек оказывался беспросветно одиноким. Оторванный от родины, семьи и привычной среды, он к тому же потерял своих богов, то есть всю идеологию и весь строй жизни, которые придавали его внутреннему миру целостность и равновесие.

Для многих других пришельцев из Старого Света процесс приспособления к американским условиям также был мучительно трудным. Но все их переживания меркнут перед ощущением духовной пустыни, которое было уделом выходцев из африканских стран. С какими бы тяжелыми и жестокими сторонами жизни не столкнулись эмигранты из Европы, их психология принципиально отличалась от мироощущения бывшего африканца или его потомка (речь идет о периоде, предшествовавшем Гражданской войне). Во-первых, все они пересекали океан не только добровольно, но с глубокой верой

в лучшее будущее, и потому оптимистическая интонация пронизывает все проявления их мироощущения и деятельности, во-вторых, они не только оказывались в родственной духовной среде, но из поколения в поколение помнили о своих европейских корнях и сохранили (или во всяком случае имели возможность сохранить) связи с европейской культурой. У всех у них было и прошлое и будущее. А бывшему африканцу, насильственно и окончательно оторванному от своих корней, не виделось ничего светлого и в перспективе. Люди гибли не только от физических страданий и унижений, но и от осознания полной безнадежности своей судьбы, от отсутствия каких-либо проблесков веры и умственной жизни, которые могли бы смягчить их безысходную тоску. Народ без воспоминаний и надежд, заблудившийся в беспросветной темноте враждебного ему мира, он неизбежно терял жизненную точку опоры. Его внутренняя сущность могла легко оказаться сломленной.

Но он нашел эту спасительную точку опоры в музыке, которую создал на непонятной ему новой земле.

Ни один из главных видов традиционного художественного творчества Африки не сохранился в общественной атмосфере северного Нового Света. Коллективные обрядовые танцы и изобразительные искусства, концентрирующиеся вокруг идеи подчинения высшим силам и отождествляющиеся с безграничным прославлением правителя, неизбежно атрофировались в условиях невольничьей жизни. Одна только музыка, которая в иерархии африканских искусств занимала подчиненное положение и выполняла, по существу, прикладные функции, продолжала жить в среде чернокожих рабов американского Юга. Но и ей пришлось подвергнуться радикальным изменениям прежде, чем она достигла своего, ныне классического уровня.

Пожалуй, самое радикальное преобразование африканской музыки в Новом Свете состояло в смене основной творческой темы. Ею стало выражение индивидуалистического сознания.

Музыкально-выразительная система, господствовавшая у народов тропической Африки на протяжении веков, была призвана отразить общественно-организованное фаталистическое мироощущение. Как и всему художественному творчеству этих народов, их музыке были свойственны высокоупорядоченные стилизованные формы, таящие глубокий символический смысл и подчеркнута ритуальный облик, в котором нет места лирике. И хотя (см. выше) по сей день на территории США живут ритмоинтонации и исполнительские приемы африканской музыки, тем не менее идейный смысл этих выразительных элементов в рамках музыки Нового Света оказался совсем иным, чем в искусстве их древней родины.

Не просто лирические образы, но более конкретно — образы страдания определили главное направление в музыкальном творчестве бывших африканцев. И именно эта область афро-американской музыки открыла новую страницу в мировом искусстве.

Этот факт тем более значителен, что образ душевных переживаний, окрашенных трагическим настроением,

сформировался в позднеренессансной и постренессансной музыке Европы раньше любого другого. В творчестве Монтеверди и Шютца, Перселла и Генделя, Баха и Глюка, Бетховена и Шуберта и многих, многих других композиторов вплоть до Шопена, Чайковского, Малера,

Шостаковича образ скорби в музыке, в самых разнообразных его оттенках нашел классически совершенное, в буквальном смысле слова потрясающее душу выражение.

Можно ли было ожидать, что негритянские музыканты в состоянии добавить нечто свое к этому богатству? Между тем такое чудо произошло. В искусстве негров открылась новая музыкально-выразительная сфера, связанная с образом страдания. Музыка Европы не знала столь оригинального преломления этой извечной темы. Здесь в необычном переплетении и в тончайших эмоциональных нюансах представляли перед слушателем образы безысходной скорби и безграничной меры, смерти и жизнелюбия, тоски и чувственной радости, душевного одиночества и братской любви, скептицизма и протеста, душевной боли и неиссякающего юмора... Характерно, что даже рабочие песни, близкие африканским разновидностям, приобрели в северной Америке иную выразительность. На африканской родине труд воспринимался как деятельность, ведущая к процветанию общины, и поэтому их песни проникнуты тонами радости и оптимизма. У того же африканца, принужденного выполнять работу и тяжелейших условиях неволи, песни труда сливались с интонациями плача и стона.